

29 октября на очередном заседании семинара с докладом «Индивидуально-авторская лексика в поэзии “старших архаистов” (Г. Р. Державин и А. Х. Востоков)» выступила д. ф. н. **М. Н. Приемышева** (ИЛИ РАН).

Вся русская словесность в конце XVIII – начале XIX в. становится эпохой творческого осмысления *слова*. Этот период можно охарактеризовать через следующие слова Н.М. Карамзина: «Если вкус к литературе может быть назван модою, то она теперь общая и главная в Европе». *Слово* через теорию трех штилей М.В. Ломоносова, а затем шишковскую теорию «трех родов словесности» становится категорией не столько филологической, сколько *социальной*, ярким примером чего может служить отношение к использованию заимствованных слов или церковнославянской лексики в споре между шишковистами и карамзинистами.

Философско-религиозное понимание слова – «Самое главнейшее достоинство человека, причина всех его превосходств и величий, есть слово, сей дар небесный, вдохновенный в него, вместе с душою, устами Самого Создателя» (А.С. Шишков) – стало основой общей филологической концепции «Беседы любителей русского слова», одного из ведущих литературных салонов в Петербурге (1811–1815 гг.), и наиболее ярких ее участников, по терминологии Ю.Н. Тынянова («Пушкин и архаисты»), *архаистов*, к числу которых относятся А.С. Шишков, Г.Р. Державин, И.А. Крылов, А.А. Шаховской, А.С. Хвостов и молодой участник «Беседы» А.Х. Востоков. Закономерным для славянофильской мировоззренческой базы беседчиков было приоритетное употребление церковнославянской и общенародной лексики, почти политически принципиальным становится вопрос о неиспользовании или очень умеренном использовании иноязычных слов. В этой связи вопрос об авторских «новообразованиях» не становился «политическим», но его решение определенным образом вписывалось в собственно филологическую программную установку Общества: «необходимо исследовать обширность языка нашего и извлекать наружу блистающие в нем красоты..., и не устремлять очей наших на чужие и несродные нам красоты...» (А.С. Шишков).

Индивидуально-авторская лексика является неотъемлемой частью лексической системы почти каждого поэта или писателя. Не избежали увлеченности ею и архаисты.

Начиная со второй половины XVIII в. в России возникает мода на «словотворение». Связано это и с развитием различных поэтических жанров, с возросшей популярностью переводных романов, в том числе масонских романов и трактатов (В.В. Виноградов, Л.И. Сазонова).

Наиболее яркой чертой стиля одного из ведущих архаистов, Г.Р. Державина, становится очень активное использование индивидуально-авторской лексики. Г.Р. Державин в рукописи 1790-х гг. писал: «Я выдумываю нарочно новые и никому непонятные слова; а особливо ежели захочу простую мысль представить пышною, или правого сделать виноватым, то пишу вместо умедлить – упослеживать и пр.».

Индивидуально-авторская лексика Державина многочисленна (без учета семантических окказионализмов, собственно лексических, которые более не встречаются ни у одного поэта, в первых двух томах поэтических сочинений, содержащих опубликованные при жизни поэта сочинения, насчитывается около 70 слов; немногим меньше окказионализмов находим в третьем томе, содержащем черновики и неопубликованные произведения).

Традиционно наиболее продуктивным способом авторского словотворчества является сложение. Практически все собственно «державинские» слова образованы этим способом. В качестве примеров на другие способы словообразования (приставочный, суффиксальный, приставочно-суффиксальный) приведем глаголы *чешуится* океан (блестит, как чешуя), *попрохладиться*, *совосплескаться* и существительные *людскость* («так разум, людскость, любопытство, и любомудрый тонкий взор коварно сердце пронизает»), *совосклищанье*.

Несколько слов, по мнению Я.К. Грота, Державин употребил взамен иноязычных: *прямовидность* (vs. горизонт), *тихогром* (vs. пианофорте / фортепиано), собств. русск. *плетеница*, *пленица* вм. *гирлянда*. Ироническим дублетом русского *рудоконства* стало известное державинское *горорытство*. Сложением образовано несколько существительных: *каменосечец*, *живописец-философ*.

Сложные прилагательные, самый продуктивный и частотный тип авторских поэтических неологизмов, и у Державина представлены в преимущественном числе. После первого и второго южнославянского влияния, то есть после периодов, когда греческий язык уже становился образцом для калькирования или аналогового словосложения в русском языке, новый период подражания греческому языку возникает с середины XVIII в. в поэзии классицистов. Однако именно в поэзии Г.Р. Державина эта тенденция приобретает характер моды. Как отмечали современники, несомненным образцом этого способа словосложения для поэзии Г.Р. Державина стали греческие поэты, в частности, Пиндар. Впервые, по мнению лингвистов, в истории русского языка в поэзии Державина начинают активно использоваться и цветные сложные прилагательные (Е.Г. Сидорова, Е.В. Каунова).

Традиционными для русского языка являются две синтаксические модели образования сложных прилагательных: сочинительная (на базе сложения двух однородных существительных или прилагательных) и

подчинительная (на базе словосочетаний типа согласования, управления и примыкания).

Некоторое количество державинских прилагательных подпадает под эти продуктивные модели. (Однако заметим, что для целого ряда слов очевидная синтаксическая обусловленность не всегда точно определяет семантику). Назовем несколько прилагательных, образованных типичным сложением: *двухолмистая гора, двурогатый зверь; разноогненные венцы, храмоподобный дом, ветхострунная арфа, светодарные души*. Из них особенно выделим пристрастие поэта к использованию цветowych компонентов: *сафиросветлые очи, златордяная броня, лазурно-сизобирюзовые круги (пера павлина), сизоянтарная глыба, златобагряная заря, румяно-желтый пирог, синетемная роца*. Показательно, что некоторые из них созданы по модели французского языка (оттенок после цвета, напр.: тёмно-синий – *bleu foncé*): *сафиросветлые, синетемная*.

Причем особенно выделяется модель использования цветового компонента по отношению к относительному признаку: *сребробокие голубки, щетиночерный вепрь*.

Продуктивной для авторского словообразования, но традиционно свойственной художественной речи оказывается модель, состоящая из сочетания прилагательных, называющих неоднородные качественные или качественные и относительные признаки, обозначающие «качество с дополнительным оттенком»: *серебряно-огнистые капли, златопрозрачные померанцы, лимоны, апельсины, желтосмуглое лицо; цветнопрозрачные камни, сочножелтые плоды*.

Ряд прилагательных создается на основе образных сравнительных оборотов: *среброчешуйный океан* (океан, как серебряная, серебристая чешуя), *златоструйчатые власы* (волосы, как золотые струи); *солнцеокий осетр* (осетр с глазами, как солнце), *стально-чешуйный, серпокогтистый зверь* (зверь с чешуей как сталь, с когтями, как серп).

Значительное же количество сложных прилагательных образовано не на традиционной синтаксической основе, а на сложных ассоциативных образах, которые могут быть описаны только через развернутые контексты: *черно-тинтово (vino tinto) вино, злато-кипрское вино, слезы-ангельски* (от названия итальянского вина «Слезы ангела») *вино; златобисерное небо, сребролунное государство; славно-школярное перо; огнезвездный океан, краезлаты небеса, правовластный блеск богатства, огнескачущие волны, огнеконный снаряд, огнепернатый илем, листомрачный верх, кораблегибельный позор*.

Особенностью идиостиля поэта можно считать употребление таких прилагательных «блоками» (см. стихотворения: «Разные вина», «На счастье», «Изображение Фелицы», «На коварство французского возмущения» и мн. др.).

Однако широкое использование индивидуально-авторской лексики не было элементом поэтической системы одного Г.Р. Державина. В поэзии А.Х. Востокова (члена «Беседы любителей русского слова», наиболее крупного поэта другого крупного литературного объединения — «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств»), которого, несмотря на существенную разницу в возрасте с Державиным и др., Ю.Н. Тынянов отнес также к «старшим архаистам», хоть и «особого толка», тоже наблюдается тенденция к активному словотворчеству.

А.Х. Востоков, хотя и начинал как поэт, в поэзии проявил себя в большей степени как ученый и экспериментатор. Поэтому, ни в коей мере не соотнося двух поэтов по уровню таланта, хочется отметить, что у них, однако, оказывается немного и общего. А.Х. Востоков с 1813 г. стал членом-сотрудником «Беседы». Г.Р. Державин же и А.С. Шишков были почетными членами «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» с 1805 г. (Общество просуществовало до 1826 г.). Показательно, что в 1802 г. имена Державина, Востока наряду с Ломоносовым оказались в одной хрестоматии («Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам первого кадетского корпуса», изд. П.С. Железниковым), причем для Востокова это была первая публикация его стихов. Первые поэтические сборники А.Х. Востокова выходят в 1805–1806 гг. («Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах», ч. 1–2). В 1812 г. публикуется теоретическая работа Востокова, внесшая определенный вклад в развитие русского стиховедения, — «Опыт о русском стихосложении». Оценка его поэзии, в большей степени со стороны мысли и ритма, была достаточно высока (И.И. Дмитриев, В.К. Кюхельбекер, В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков).

Несмотря на некоторую особость поэтической системы Востокова, Ю.Н. Тынянов не случайно отнес его к старшим архаистам: это позволяло сделать доминирование у поэта мифологических мотивов, церковнославянской лексики, полное отсутствие заимствований, высокие и масштабные эпические сюжеты.

В своей поэзии А.Х. Востоков также не чуждался словотворчества. По трем томикам его стихотворений нами обнаружено 18 индивидуально-авторских слов: *благоотрадные музы, благосквернитель, дивномысленные беседы, златонизанный ковер, с небовысот, непристанищный утес, огневместилище чувств, песноучитель, пламенордяный дракон, скудобрюхий, среброгортанный соловей, среброногое утро, тучемрачна ночь, тьмулетняя пирамида, черноогнисты зоны*. Окказиональными являются субстантиваты: *быстропроходящее, медлительногрядущее и вечноостающееся*. Так же, как у Державина, по оригинальным моделям образованы: *благоотрадный, тучемрачный*.

Несмотря на меньшее количество индивидуально-авторских слов у Востокова, соотносимы у обоих поэтов как сами модели словотворчества, так и семантика словообразовательных моделей. При всей разности поэтических

систем и поэтического таланта Державина и Востокова можно говорить об общности принципов словоупотребления у поэтов как в целом, так и в вопросе использования индивидуально-авторской лексики.

После Державина началась эпоха «сложных прилагательных», особенно «цветовых». Невероятно много сложных эпитетов находим в переводе «Илиады» Н.И. Гнедича, что вполне объяснимо, если учитывать особенности образного сложения прилагательных в греческом языке (*аргоубийца, багряно-золотистый, багряноогненный, безумноречивый, белоклыкий, белорунный, беспояснодоспешный, блистательноокий, блистательноубранный, браздодержец, благозданный* и мн. др.). Много до такой степени, что Б.В. Томашевский назвал подобные эпитеты «гомеровскими». Сложные индивидуально-авторские прилагательные встречаются в поэзии В.А. Жуковского (*зеркально-светлый щит, златопурпурное вино, огненно-темные взоры, пестропурпурные ткани, дождливожелтый, ветренорыжий* и др.). Есть окказиональные сложные слова и у А.С. Пушкина (*тяжелозвонкое скаканье, звонкоскачущий конь* и др.). Однако использование сложных слов (по греческой модели, особенно по аналогии с «пиндаризмами») архаистами как старшими, так и младшими имело характер моды, что так же приобретало характер крайности, как и перифрастичность и широкое использование лексических и семантических калек с французского языка сентименталистами.

Эта тенденция к словотворчеству, особенно по способу неоднородного сложения, в поэзии Г.Р. Державина и некоторых старших архаистов проявилась настолько, что в сатире Панкратия Сумарокова «Ода в громко-нежно-нелепо-новом вкусе» (1802 г.) такое «пиндаровское» сложение стало «главным» сатирическим козырем автора (напр., *сафиристо-храбро-мудро-ногий; лазурно-бурный конь Пегас; жемчужно-клюковно-пожарна заря; ветер юго-западно-восточный иль северо-студено-мочный* и др.).

Тоньше, индивидуальнее критика этой увлеченности выглядит в стихотворении А.С. Пушкина «Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову» (1825). В этой Оде прецедентными являются почти все слова, образы, напр., соотносятся первые строки «Султан ярится» и ритмика оды В.П. Петрова «На войну с турками» (1769); прецедентным и пародийным в Оде оказывается и употребление сложных слов: *резвоскачет* и *быстропарный*. *Резвоскачет* является пародийным откликом на употребление В. Кюхельбекером выражения «И резвоскачущая кровь» из стихотворения «Грибоедову», напечатанного в «Московском телеграфе» (1825, № 1). *Быстропарный* недуг можно соотнести с достаточно частотным и семантически широким употреблением этого слова у Г.Р. Державина: «в *тенях лазурных быстропарных*» («На бракосочетание великого князя Павла Петровича С Наталией Алексеевною», 1773), «*орлы быстропарны*» («Лето», 1805), «*луч молнии быстропарной*» («На выступлении гвардии в поход», 1807).

Однако новые слова, особенно сложные прилагательные, из произведений известных поэтов все-таки в филологическом обществе признавались. Так, И. Калайдович в «Опыте правил для составления русского производного словаря», рассматривая разные типы сложных слов, в качестве рядовых примеров приводит индивидуально-авторские слова Г.Р. Державина. Рассматривая сложные слова «пятого типа», «сложенные из одних прилагательных», он отмечает: «Сие означает соединение или существование двух качеств в одно и то же время, на пр. *сребророзовый* (Держ.) значит: и серебряный и розовый, *звонкоприятный* (Держ.) и звонкий, и приятный, или: и приятный, и звонкий» (Труды ОРЯС. М., 1824. Т. 5. С. 349–350).

В Словарь церковнославянского и русского языка (СПб., 1847), куда включалась только общеупотребительная лексика, попадают такие «неологизмы» (vs. «гомеровские эпитеты») Н.И. Гнедича, как *грозноутесый, длиннотенный, длиннохитонный, леповидный, лепогривый, лепокудрый, многоверхий, многовластный* (ср. у А. Блока: «И многовластный, число, как встарь, Ворожу и гадаю вновь...», 1902), *пространно-властительный, пространногремящий, пространнодержавный, пышноблестящий, пышнозданный, пышноодежный, пышноризый, пышносияющий, пышноструистый, пышноузорный, твердокопытный, ширококрылатый* и мн. др.

Таким образом, можно утверждать, что архаисты, несмотря на строгие нормативные рамки словоупотребления, сформулированные в программных работах А.С. Шишкова, не избежали крайности в увлеченности словотворчеством, хоть и основанным на популярной греческой модели словообразования. Для сравнения заметим, что в поэзии Н.М. Карамзина не обнаружено ни одного окказионального слова, в поэзии И.И. Дмитриева из небольшого количества образных сложных слов только Дмитриевым употреблены два: *молниецветные ризы* и сложное существительное *эгоисты-рифмачи* (указатели словоформ указанных поэтов см. на сайте www.rvb.ru).

Сентименталисты, активно используя иноязычную лексику или кальки, именно таким образом компенсировали потребность в авторском словотворчестве. Архаисты же, стремясь к соблюдению канонов славянского и русского языков, потребность в словотворчестве компенсировали через модели, «одобренные» поэтикой классицизма, основанные на типичном для церковнославянского и греческого языков сложении. Теоретические установки архаистов вступали тем самым в некоторое противоречие друг с другом: активное использование греческих словообразовательных моделей в целом ряде случаев было «не сообразно со свойством русского языка». Более того, в силу поэтического авторитета архаистов, в силу авторитета церковнославянской и греческой словообразовательной традиции такая «крайность» поэтической системы, как широкое использование

индивидуально-авторских слов, была в свое время «узаконена» и толковым академическим словарем.